

дании ВУЦИК был избран новый состав Совнаркома Украины, куда вошли Д. З. Мануильский, Н. А. Скрыпник, В. Я. Чубарь и др. [см. 9, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. д. 1].

Таким образом, созыв Всеукраинских съездов Советов, в частности IV Всеукраинского съезда Советов, в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции ярко продемонстрировал преимущества советской демократии перед демократией буржуазной. Во всех капиталистических странах война всегда сопровождалась свертыванием демократических свобод, нарушением или игнорированием конституции, усилением насилия над населением, террором, созданием военной каторги для рабочих. В Стране Советов преодоление любых трудностей всегда сопровождалось и сопровождается гигантским ростом активности масс, вовлечением новых слоев трудящихся в политическую деятельность. IV Всеукраинский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов — убедительнейшее доказательство этому.

Список литературы: 1. Ленин В И Полн. собр. соч., т. 37. 2. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 3. Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. 1918—1941. Киев, Политиздат Украины, 1976. 1062 с. 4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., Политиздат, 1978. 680 с. 5. Бюллетень IV Всеукраинского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Харьков, 1920. 163 с. 6. Правда, 1978, 25 февр. 7. СУ УССР, 1920. 8. ПА ИИП при ЦК Компартии Украины. 9. ЦГАОР УССР.

В. А. Ч е ф р а н о в, канд. филос. наук

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ПРАВООТРАЖЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Одно из существенных проявлений относительной самостоятельности общественного сознания состоит в его способности отражать не только данный уровень общественного бытия, но и перспективу его движения.

Идея опережающего отражения в конечном счете основана на признании активного отношения сознания человека вообще к окружающей его действительности, такого отношения, которое проявляется в предварительном мыслительном построении действий и в идеальном предвосхищении их результатов. Примечательны в этом смысле известные образные рассуждения К. Маркса об архитекторе, который отличается от наилучшей пчелы тем, что «прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» [1, т. 23, с. 189], и что результат, который наступает в конце процесса труда, «уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» (там же). Но это означает, что способность человека охватывать своим сознанием результаты деятельности, которые в данный момент полностью еще не сформировались, связана с его умением ставить перед собой определенные цели и организовывать свою деятельность в направлении их достижения. Отметим,

что это умение и эта способность уходят своими корнями глубоко в живую природу. П. К. Анохин считает, что опережающее отражение является всеобщим свойством живой материи [см. 2] и связано с приспособительной деятельностью организмов, с его условнорефлекторной деятельностью, характеризующейся «предупредительностью» и «сигнализацией» будущих событий, происходящих во внешнем мире [см. 7, с. 100]. Своего наивысшего уровня опережающее отражение достигает в сознании человека, обладающего способностью к целеполагающей деятельности, имеющей в качестве своего основного мотива и своего смысла осуществление цели как мыслимого будущего, достигаемого, а не наличного состояния.

Способность идеально моделировать «будущее состояние» (потребное будущее) в сознании человека составляет суть его поведения, является основой «физиологии (и биологии и психологии) активности» [3, с. 162—163].

Положения об опережающем отражении имеют прямое отношение и к общественному сознанию, в том числе к такой его разновидности, как сознание правовое. Теоретическое и практическое значение проблемы опережающего отражения в правовом сознании состоит не только в том, что ее рассмотрение способствует более углубленному изучению механизма правомерного (или противоправного) поведения, но и дает возможность на более высоком методологическом уровне решать вопросы, связанные с прогнозированием в правовом сознании (праве). А это в свою очередь является условием дальнейшего совершенствования и развития всей правовой системы, а также правового воспитания трудящихся.

Опережающее отражение в правовом сознании представляет собой такую связь этого сознания с общественным бытием, в процессе которой происходит отражение не только данного состояния социального (правового) объекта, но и тенденций его развития с точки зрения перспектив правового регулирования общественных отношений.

Опережающее отражение в правовом сознании может рассматриваться как в общем плане более ускоренного по сравнению с системой общественных отношений развития правового сознания, так и в аспекте механизма проявления (функционирования) правового сознания. Первый аспект опережающего правоотражения, являющийся предметом нашей статьи, обусловлен такой внутренней, устойчивой, существенной, повторяющейся связью правового сознания с общественным бытием, при которой правовые идеи, взгляды и соответствующие им психологические формы могут возникать прежде, чем полностью сформируются те общественные отношения, которые выступают как непосредственный объект правового отражения. Опережение достигнутого уровня эмпирических отношений объективно обусловлено: оно является выражением потребности

общественного бытия в постоянном совершенствовании разнообразных (в данном случае правовых) средств своего саморегулирования, возникающей на базе реальных противоречий социальной действительности.

Степень детерминированности опережающего отражения материальными условиями жизни общества в рассматриваемом случае выражена более жестко по сравнению с иными видами социального отражения, такими, например, как искусство, философия, религия, мораль, которые в большей степени отдалены от экономического базиса. Предвидение в правовом сознании — не что иное, как познание и отражение настоящего, его диалектики. Поэтому само выражение «отражение будущего» означает здесь более глубокое познание настоящего в его тенденции (перспективе).

Всякое опережающее отражение связано, как уже отмечалось, с целеполагающей деятельностью человека. Для понимания опережающей способности правового сознания указанное обстоятельство имеет особо важное значение. Независимо от того, идет речь о конкретном механизме действия правовой нормы, в которой проектируется (моделируется как возможное) будущее поведение личности, подпадающее под правовые оценки, или о способности правового сознания в целом несколько обгонять данный уровень эмпирических общественных отношений, опережающее правовое отражение всегда связано с категорией цели. Как отмечает Д. А. Керимов, в цели права «непосредственно выражается опережающее отражение сознанием действительности, и в этом состоят творческие потенции права в преобразовании действительности» [5, с. 375]. Иначе говоря, цель в праве — это не только отражение и закрепление существующих общественных отношений, но и своеобразная форма «будущего в настоящем», прообраз (идеальное предопределение) того общественного состояния (результата), к которому сознательно стремится законодатель [см. 5, с. 377; 8]. Цель как идеальное предвосхищение результата, на достижение которого направляются действия, вообще характеризует все формы и виды управления. Но только в праве она приобретает «стандартную» обобщенность в виде мысленного образа поведения, зафиксированного в норме. Как мысленный образ, цель возникает раньше, чем ее воплощение в жизнь. К. Маркс указывал, что целью является идеальный внутренний образ подлежащих созданию предметов [см. 1, т. 12, с. 718], в цели они заранее намечаются человеком «в их еще субъективной форме» [1, т. 12, с. 718].

С целью правового сознания тесно связан такой его типичный признак, как долженствование. Отражая действительность не просто такой, какова она есть, а с точки зрения того, какой она должна быть, правовое сознание как бы намечает «перспективную схему» (модель) тех или иных общественных отно-

шений. Рассматривая поведение человека с позиций его прав и обязанностей, указывая на вероятные последствия в случае их несоблюдения, правовое сознание как бы создает образ не только самой деятельности, но и результата этой деятельности, подпадающей под правовые оценки, и тем как бы заведомо ориентирует (программирует) действия и поступки личности. Таким образом, в цели и долженствовании, фиксируемых правовым отражением, воплощается не только осознание погрешности и объективных возможностей ее удовлетворения, но и ориентация субъекта на активное использование этих возможностей для достижения желаемого результата, на уяснение тех потенций, которые заложены в правомерном поведении. В этом случае правовое сознание выполняет роль своеобразной социальной проекции: создавая образ-модель «потребного будущего», оно обращает внимание субъекта на перспективу.

Опережающие способности правового сознания проявляются во всех без исключения звеньях его структурной организации уже хотя бы потому, что цель и долженствование являются неотъемлемыми элементами не только правовых норм, но и правовой идеологии и психологии, теоретического и обыденного правового отражения, коллективных и индивидуальных правовых представлений. Однако, какой бы из элементов структуры правового сознания мы ни анализировали с точки зрения опережающего отражения, при этом мы должны исходить из той социологической посылки, что в принципе всякое опережающее отражение, его характер и масштабы связаны прежде всего с существованием прогрессивных классов общества, наделенных исторической перспективой.

Вместе с тем следует заметить, что в рамках одного и того же социального типа правового сознания способность опережающего отражения не в равной мере представлена в различных формах этого сознания. В литературе на этот счет высказывалось общее соображение о том, что «ненормативное» правовое сознание должно отражать экономические и иные общественные отношения еще задолго до того, как они примут нормативную форму, но отражать ту сторону, которая требует юридической регламентации [см. 9, с. 23]. Именно в этом смысле Ф. Энгельс говорил о том, что в каждом отдельном случае экономические факты, чтобы получить санкцию в форме закона, должны принимать форму юридического мотива [см. 1, т. 21, с. 312]. Этот заведомо выдвигаемый людьми мотив содержит в себе обоснование необходимости принятия той или иной правовой нормы и ее характера.

Думается, что пределы опережающего отражения, а также и его достоверность, зависят прежде всего от того, с какой степенью глубины (адекватности) осознаются закономерности развития общественных отношений и уясняется с этой точки зрения необходимость их правового регулирования. При таком

подходе к проблеме на первое место выдвигается научная форма правового отражения, обладающая наибольшими познавательными возможностями — особенно, если она исходит из позиций прогрессивных классов общества. Именно в этой области правового отражения в наибольшей степени проявляется прогностическая функция правового сознания. Разработка соответствующих научных взглядов во многих отношениях идет впереди действующего законодательства, она может опережать также и уровень развития правовой идеологии, психологии, не говоря уже об обыденных правовых взглядах и индивидуальном правосознании, не связанном с профессиональной правовой деятельностью.

Опережающая функция научно-правового сознания обусловлена его тенденцией к познанию новых, еще не известных сторон, связей и отношений, заложенных в правовом объекте. Научно-теоретические правовые воззрения, как система мысленных абстракций, могут идеально «перестраивать» существующие общественные отношения, создавать проекты новых форм правового регулирования, выдвигать рекомендации, связанные с направлением развития правового сознания в целом и правовой практики.

Открывая существенные стороны социального развития и фиксируя их в понятиях и их соединениях (суждениях, умозаключениях, законах, теориях, гипотезах), научно-правовое сознание может раскрывать закономерные связи действительности и, выделяя среди них такие, которые должны «освящаться» правовым сознанием, предвидеть дальнейшее движение явлений, т. е. может идеально их предвосхитить и предсказать. Способность к обобщениям, присущая теоретическому знанию, есть «гносеологический источник предвидения, гносеологическая предпосылка перехода отражательной функции сознания в преобразовательную» [4, с. 278].

Несмотря на обширные опережающие возможности, научно-правовое отражение вместе с тем определенным образом ограничено как общими гносеологическими законами развития всякого знания вообще, так и особенностями входящего в объект этого познания положительного права как некоей объективированной, существующей ввне догматической системы (реальности). Кроме того, масштабы опережающего отражения правовых теорий зависят также от их социально-классовой направленности. В этом смысле, как следует из ранее изложенного, преимущество всегда будет на стороне тех научных идей, которые связаны с деятельностью прогрессивных социальных сил. Что касается юриспруденции, отражающей позиции реакционных классов общества, то она, будучи «привязанной» к господствующей в обществе системе права, фактически лишается способности создавать такие научные понятия, которые могли бы достоверно отражать состояние и особенно направление правового развития. В этом

отношении следует учитывать рассуждение К. Маркса об услугах, оказываемых «угодливым классом юристов» господствующим социальным группам. Ссылаясь на исследование английского юриста Далримпла, К. Маркс писал: «...Каждый закон и каждый документ, касающийся собственности, толковались юристами в Англии во времена роста богатства буржуазии — в пользу *буржуазии*, а в Шотландии, где обогащалась аристократия, — в пользу *аристократии*, в обоих случаях — во враждебном *народу духе*» [1, т. 8, с. 527]. Как справедливо замечает Г. Ханай, «мышление, закостеневшее в своем стремлении оправдать общественные условия империализма, не может дать подлинного, научно обоснованного представления о должном» [11, с. 50].

Диаметрально противоположными как с точки зрения масштабов опережающего отражения, так и его достоверности являются научно-правовые идеи, разработанные основоположниками марксистской философии. Примером в этом отношении может служить принципиальное разрешение К. Марксом и Ф. Энгельсом целого ряда теоретических проблем государственной-политической и правовой организации будущего социалистического общества, характеристика конечных перспектив развития этой организации, заключающихся в ее отмирании и т. д., а также дальнейшее развитие этих проблем в произведениях В. И. Ленина, в партийно-политических документах КПСС и других марксистско-ленинских партий.

Достаточно высокими возможностями опережающего отражения обладает также правовая идеология, которая, подобно науке, стремится к познанию объективных связей и отношений общественного бытия, к раскрытию закономерностей правового объекта. Правовые идеи, будучи непосредственным отражением политического сознания, предшествуют созданию правовых норм и их практическому осуществлению. «Наличие идеи, — писал П. В. Копнин, — служит предпосылкой практики, правда, не единственной, но чрезвычайно важной, накладывающей свой отпечаток на специфичность практики, как истинно человеческой формы деятельности» [6, с. 90].

Правовые понятия собственно идеологического порядка могут предшествовать также и появлению соответствующих правовых теорий. Марксистско-ленинская правовая идеология как часть революционного мировоззрения пролетариата формируется задолго до того, как начинает развиваться разветвленная система специальных юридических наук. Выработывая мировоззрение пролетариата, К. Маркс и Ф. Энгельс уже в «Манифесте Коммунистической партии» изложили целый ряд правовых идей, выражающих отношение революционных классов общества к буржуазному государству, праву, закону и т. п., которые нашли свое преломление в конкретных правовых науках лишь впоследствии.

Правовая психология как область социально-правовых переживаний также может опережать данный уровень развития общественных отношений. Даже в такой, казалось бы, непосредственной форме отражения, какой является человеческое восприятие, в скрытой форме происходит своеобразное моделирование деятельности как настоящей, так и будущей, а также моделирование будущих состояний объекта, преобразуемого человеком. Приведенное замечание следовало бы в первую очередь отнести к так называемым интеллектуальным переживаниям — чувствам, эмоциям, настроениям, т. е. к тем психологическим явлениям, которые связаны с теоретико-правовой (идеологически-правовой) деятельностью. Отражая чувство нового, любовь к познанию вообще, эти чувства помогают людям заглядывать в будущее, намечать контуры развития тех явлений, которые подвергаются правовому регулированию. Однако опережающее отражение в правовой психологии, совершающееся в чувственной форме, не затрагивает внутренних, глубоких связей, складывающихся в правовом объекте (которые под силу лишь рациональному мышлению), а ограничивается отражением ближайших этапов его развития, обусловленных необходимостью удовлетворения «непосредственно обозримых» правовых потребностей. Тем не менее в силу своей чрезвычайной подвижности правовая психология, по мнению некоторых авторов, может фиксировать потребности в изменении правовой регламентации определенных общественных отношений еще до того, как эта необходимость будет осознана идеологически (теоретически) [см. 9, 77]. Однако и в этом случае такое фиксирование носит менее четкий и определенный характер, если сравнивать его с абстрактно-понятийной формой отражения.

Определенные возможности опережающего отражения заложены в индивидуальных и коллективных правовых взглядах, а также в обыденном правовом сознании. Они присущи также правовым нормам. Однако подробно анализировать в данной статье все случаи опережающего правоотражения (как и его гносеологические и социальные предпосылки) мы не имеем возможности. Эти вопросы заслуживают дополнительного рассмотрения.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, 12, 21, 23, 28. 2. Анохин П. К. Опережающее отражение действительности. — Вопросы философии, 1962, № 7, с. 69—80. 3. Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., Наука, 1973. 382 с. 4. Жилкович Л. Теория социального отражения. М., Прогресс, 1969. 454 с. 5. Керимов Д. А. Философские проблемы права, М., Мысль, 1972. 472 с. 6. Копнин П. В. Идея как форма мышления. Киев, Изд-во Киевск. ун-та, 1963. 106 с. 7. Ленинская теория отражения и современность. София, Наука и искусство, 1970. 725 с. 8. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., Юрид. лит., 1973. 343 с. 9. Потопейко А. Д. Правосознание как особое общественное явление. Киев, Наукова думка, 1970. 110 с. 10. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., Юрид. лит., 1963. 204 с. 11. Ханай Г. Социалистическое право и личность. М., Прогресс, 1971, 335 с.